

Валерий
Брюсов

СЕМЬ ЗЕМНЫХ
СОБЛАЗНОВ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б89

Брюсов, В.

Б89 Семь земных соблазнов / В. Брюсов. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 174 с. — (Модное чтение).

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) — русский поэт Серебряного века, писатель, публицист, один из основоположников русского символизма.

Данная книга включает в себя три прозаических произведения Брюсова.

«Семь земных соблазнов» — Футуристический неоконченный роман о жизни несуществующего в реальности мегаполиса. «Рея Сильвия» — исторический рассказ, переносящий читателя в кровожадный Рим VI века в период войны с готами. «Моцарт» — лирическая повесть о жизни скрипача Родиона Латыгина, судьба которого таинственным образом переплетается с великим композитором...

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬ ЗЕМНЫХ СОБЛАЗНОВ.....	5
РЕЯ СИЛЬВИЯ	59
МОЦАРТ.....	99

СЕМЬ ЗЕМНЫХ СОБЛАЗНОВ

Роман из будущей жизни

ОТ АВТОРА

Весьма трудно определить эпоху, в которую происходят описываемые мною события. Многие стороны жизни представляют, по-видимому, культуру, стоящую на более высокой ступени, нежели современная. Другие явления, напротив, указывают на низший уровень развития человечества. Кроме того, общая картина жизни той эпохи ни в каком случае не соответствует тем формам, в какие она должна отлиться, если будет продолжаться последовательное развитие тех начал, на которых зиждется наша «европейская» цивилизация. Приходится предположить, что между эпохой, изображенной в романе, и современной произошла какая-то страшная катастрофа, аналогичная той, которая уничтожила античную цивилизацию. Затем следовал период нового, многовекового развития, в результате которого человечество достигло вновь приблизительно того же уровня внешней культуры, на котором оно стоит в наши дни. Вновь, частью как следствие новых изобретений и открытий, частью под влиянием сохранившихся сведений о славном прошлом, были найдены и возобновлены все те приспособления и ухищрения, которые составляют характерную особенность быта цивилизованных народов XX века. Вновь возникли многомиллионные города с домами-небоскребами, электрический свет вновь залил их улицы и их жилища, вновь пересекли всю землю рельсы железных дорог, вновь зашумели по всем путям автомобили, а в воздухе показались вновь дирижабли и аэропланы,

страны соединились вновь телеграфами и телефонами, быстроходные стимеры¹ возобновили свои рейсы через океаны, и скоропечатные машины по-прежнему стали выбрасывать в миллионах экземпляров газетные листы. Согласно с этим опять заработали биржи и парламенты, напряженная умственная жизнь возродилась в университетах и в различных научных институтах, опять встали перед людьми все тягостные вопросы современности, в том числе вопрос об организации труда; и строение общества, сходное с тем, какое мы наблюдаем в наше время, привело к тем же решениям этого вопроса, какие предлагаются и современными нам теоретиками... Впрочем, аналогию эту не должно проводить слишком далеко, так как мы видим, что во многих отношениях эпоха, изображенная в романе, резко отличается от нашей современности, что многое в ней организовано на иных началах и что к разрешению многих задач она подходит по иным путям, нежели мы. Во всяком случае. мы встречаем в романе мир, стоящий на высокой ступени внешней культуры, но таящий в своем организме губительные язвы, грозящие самому его существованию.

В. Б.

¹ ...быстроходные стимеры... — род пассажирского судна, пароход (от *англ.* steamer).

ИЗ ПЕРВОЙ ЧАСТИ БОГАТСТВО

Из главы первой

...В Столицу приехал я поздно вечером. После мрака и однообразия бесконечного тоннеля, по которому подземная железная дорога пробегает восьмую часть земной параллели, огни и движение главной станции, ее сутолка, гул и блеск меня ошеломили. Пятнадцать часов я просидел неподвижно, ни с кем не обменявшись ни единым словом, и, встав с дивана, первую минуту не мог ни действовать, ни мыслить: словно все пружины моего существа заржавели и окостенели.

Машинально, двигаясь за людьми, я поднялся, неся в одной руке свой скромный чемодан, на поверхность земли, вышел на подъезд Большого вокзала и сразу оказался в центре мировой сумятицы. Со ступеней широкой лестницы, ведущей к вокзалу, я видел перед собой громадную площадь, обставленную сорокоэтажными небоскребами; как реки в море, в нее вливались ярко освещенные улицы; за громадами домов высились зубчатые и темные громады других стен; в высоте, словно оторванные от земли, сияли станции воздушных дорог. От светов бесчисленных фонарей, радиоактивных, электрических, газовых и иных, что смешивались и скрещивались, получалось странное, слепительное и переменчивое освещение. Движение толпы, экипажей, вагонов, разбег автомобилей и ровное стремление трамваев образовывали непрерывное мелькание, беспорядочную смену видений. Визг электрических дорог,

хрипение и грохот моторов, стук лошадиных копыт, щелканье бичей, выкрики газетчиков и продавцов сливались с тысячеустым говором народа в один грозный, не лишенный гармонии гул¹. И время от времени в темной вышине то вырастали огни плавно плывущего дирижабля, пыхтящего, как сказочный змей, своей могучей машиной, то загорались огненные точки кружащегося аэроплана и слышалось победное жужжание его пропеллера. И картина этой исступленной, этой ожесточенной жизни, это смешение звуков, образов и светов, столь обычные для жителя Столицы, меня, бедного провинциала, привыкшего к затишью маленького городка, потрясли, опьянили, почти лишили разума, так что долго стоял я на площадке лестницы в каком-то полумистическом страхе.

Десятки комиссионеров, видя мое смущение, наперебой предлагали мне свои услуги, тянули меня за рукава, совали мне в руки объявления, но, вдруг решившись, я оттолкнул их от себя, сбежал с лестницы и уверенно зашагал вперед, как человек, который хорошо знает, куда он идет. Так я пересек площадь Мира, прошел до конца всю Большую улицу, заглядывая с любопытством провинциала на пышные выставки магазинов, которые за зеркальными окнами расставляют целые музеи всего, что изобретает современная роскошь,

¹ ...щелканье бичей, выкрики газетчиков и продавцов... – реминисценции изображения большого города в стихотворении Брюсова «Конь блед» (1903):

В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.